

Лидия Чарская

Нелюбимая

Гимназистки

Лидия Чарская
Нелюбимая

«Public Domain»

1908

Чарская Л. А.

Нелюбимая / Л. А. Чарская — «Public Domain», 1908 — (Гимназистки)

ISBN 978-5-457-12554-4

Ее зовут Маня Дадурова. Учится она плохо, но не по лени, а по какому-то странному недетскому, равнодушию. Маня – флегматичная молодая особа. Большею частью молчит, уставившись в одну точку, точно о чем-то глубоко-глубоко задумалась. Окликнешь – точно просыпается от долгого сладкого сна...

ISBN 978-5-457-12554-4

© Чарская Л. А., 1908

© Public Domain, 1908

Лидия Алексеевна Чарская Нелюбимая

Утро. Часовая стрелка приближается к десяти. В четвертом классе заканчивается урок Закона Божия. Урок трудный. Задана Литургия Преждеосвященных Даров. Катехизис – нелегкая задача. Это не то, что история Ветхого и Нового Завета. Батюшка, молодой священник в коричневой рясе с академическим знаком на груди, спрашивает довольно строго. В третьем классе он был менее требователен к ответам гимназисток. Оно и понятно. Четвертые – не трети, не маленькие уже. Четвертый класс – это мостки, перекинутые к старшему отделению.

Отвечает худенькая, рябоватая, смуглая девочка с туго заплетенной черной косичкой за плечами. Ее зовут Маня Дадурова. Учится она плохо, но не по лени, а по какому-то странному недетскому, равнодушию. Маня – флегматичная молодая особа. Большею частью молчит, уставившись в одну точку, точно о чем-то глубоко-глубоко задумалась. Окликнешь – точно просыпается от долгого сладкого сна.

Подруги не любят Маню. Она никогда не смеется, не шалит с ними, никогда не болтает. Ходит в переменки одна, между уроками завтракает одной булкой, также одна, где-нибудь в уголке, крадучись как-то, тишком. Уроков своих хорошо никогда не знает. Оттого и отметки у нее скверные. При переходе из третьего в четвертый была переэкзаменовка по французскому языку. Языки совсем не даются Мане. Впрочем, что же ей и дается? Абсолютно ничего.

Сейчас отец Николай из себя выходит, силясь напомнить Мане, что следует после ектеньи. Маня, как столб, ровно ничего не помнит, силится восстановить в памяти заданный урок и опять-таки молчит, как рыба, и только растерянно моргает своими подслеповатыми глазками.

– Боже ты мой, тупица какая эта Дадурова, – говорит миловидная Соня Хорькова своей соседке по парте Ольге Карловой, – батюшка, кажется, ее сам на ответ наводит, другая бы сразу нашлась, что и как ответить, а она...

Соня не успевает закончить своей фразы, так как отец Николай произносит на весь класс:

– Печально, весьма печально, девица Дадурова, что вы опять не знаете урока! Садитесь на место. Я вынужден вам поставить «два».

Получить двойку по Закону Божию – неслыханное дело! Самый меньший балл у отца Николая обыкновенно три минуса при пятибалльной системе, и надо действительно умудриться «схватить» по Закону Божию два. В гимназии есть правило оставлять после урока нерадивых учениц, получивших самую плохую отметку – единицу, но Закон Божий считается самым важным предметом, и по такому предмету иметь двойку – позор. Поэтому когда с тем же равнодушным, не выражающим ни печали, ни горя, лицом Маня Дадурова идет садиться на место, ее встречает у парты разгневанная классная наставница, маленькая, худенькая дама в пенсне, Валерия Антоновна Зверина.

– Вы останетесь на два часа после уроков, – говорит она тихо, но так, что сидящие вокруг девочки прекрасно слышат ее слова.

И едва только Валерия Антоновна успевает отойти от Маниной скамейки, как по классу уже несется сенсационная новость: Дадурова остается за «пару» по Закону на два часа!

Никому не жалко Дадуровой. Ничье детское, обыкновенно податливое на чувствительность, сердечко не сжалось участием по отношению к ней. Зачем ее жалеть, когда она сама себя не жалеет? Такая холодная, равнодушная; бесчувственная какая-то. Бог с ней!

* * *

Гимназический учебный день проходит быстро. После трех утренних уроков большая перемена, потом еще два часа занятий, и в половине третьего девочек отпускают по домам. Как стая веселых птичек, с говором и щебетанием собирают они наскоро свои ранцы, сумки, связки с книгами, и, смеясь и перегоняя друг друга, сбегают по широкой лестнице в нижний этаж, в раздевалку, где у каждой под ее собственным номером хранятся у сторожа верхнее платье и галоши.

Четвертый класс опустел. Затих веселый смех и говор. Гимназистки разошлись по домам. В дальнем уголке класса копошится только одинокая маленькая фигурка. Это Маня Дадурова остается отбывать возложенное на нее наказание. Она сидит на своем обычном месте, у окна, с книгой на коленях и, лениво повернув голову, смотрит на крышу соседнего дома. На душе обычная апатия с примесью горечи. Мысли работают медленно и вяло. Лицо бледное и не говорит ни о чем, точно маска.

Мысли медленно кружатся. Ни одной радостной, ни одной счастливой! Мане четырнадцать лет, но кажется, что меньше, хотя лицо ее – лицо маленькой старушки. Она сирота: ни отца, ни матери. Живет из милости у бедных родственников. И без нее у дяди с теткой куча ребят мал мала меньше. Тяжело ей дома. Еще тяжелее в гимназии. Не любят здесь, не любят там. Где легче приходится и сама не знает Маня. И вдобавок ученье трудно дается! Все думают, что она лентяйка. Ах, знали бы они всю ее жизнь!.. Знали бы только!

Опять кружится, кружится мысль Мани. «Если бы знали», – выстукивает ее бедное маленькое сердечко, и она снова погружается в какое-то оцепенение, охватывающее все ее жалкое юное существо молоденькой старушки.

* * *

– Дадурова! Вы можете идти домой.

Маня вздрагивает. Темным силуэтом мелькает Валерия Антоновна в дверях. На улице заметно стемнело. Зажглись фонари, и их отблеск слегка освещает пустую, неуютную комнату. Голос Валерии Антоновны звучит недовольными, раздражительными нотками. Еще бы! Ей неприятно оставаться на лишние два часа по окончании рабочего дня потому только, что одной из нерадивых учениц заблагорассудилось получить по Закону Божию двойку.

Маня Дадурова встает и спокойно, не торопясь, начинает укладывать свои книжки. Потом отвешивает реверанс наставнице и спускается вниз. Там, на вешалке в раздевалке, висит ее ветхое, во многих местах заплатанное пальтишко и облезшая от долгого употребления поддельного котика меховая шапка. Старичок сторож, дежурящий бесценно у вешалок, добродушно подшучивает над ней:

– Эх, поздненько что-то, барышня! Полюбилась, знать, гимназия, загостились нынче!

Маня проворно одевается, стараясь не смотреть на старика, и, незаметно прошмыгнув мимо величественного гимназического швейцара, стремительно выскакивает на улицу.

Зимний ласковый вечер. Чуть-чуть студит морозцем. Летят легкие, как пух, снежинки. Легко светят фонари. Бегут с веселым звоном трамваи, спешат пешеходы по тротуарам.

Широко раскрытыми глазами Маня смотрит на знакомые картины. Здесь, на улице, затерянная в толпе, она чувствует себя совсем иной. Это не прежняя тупо-равнодушная гимназистка со спокойно-флегматичным видом, нет! Ее глаза сияют удовольствием. На смуглых ржавых щеках играет румянец, и даже нечто вроде улыбки приоткрывает тонкие губы. Маня так любит бывать среди незнакомой толпы и тихонько любоваться высокими домами, освещенными витринами, бегущими, будто наперегонки, вагонами трамваев. А еще больше

любит природу Маня. Этот белый, скрипучий, ласковый снег под ногами, эти золотые звездочки на потемневшем небе, деревья, осыпанные серебряной пудрой инея во встречных скверах. Она идет не спеша, перебирая маленькими ногами, с удовольствием вдыхая свежий морозный воздух. Незаметно доходит до дома и приходит в себя только на пятом этаже, перед убогой дверью, обитой рваной клеенкой, на которой значится: «Иван Афанасьевич Руханов, живописных дел мастер».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.